

И пал фашистский Берлин...

Автор этих заметок - фронтовик полковник в отставке Владислав Алексеевич Хитров Великую Отечественную войну прошел, как он говорит сам, перебежками и по-пластунки, начал ее курсантом кавалерийского училища, а завершил в Берлине командиром саперного батальона. Кавалер девяти боевых орденов, председатель Международной уникальной организации фронтовых однополчан соединений 8-й гвардейской армии рассказывает о боях за Берлин, в которых принимал сам, а также рисует картины побежденной фашистской столицы в мае 1945-го.

- **ДО БЕРЛИНА** оставалось всего 67 километров. Но перед нами, частями 27-й стрелковой дивизии, еще были Зееловские высоты. Здесь немцы отчаянно оборонялись.

Утром 16 апреля 1945 года в небе появилась масса немецких самолетов: гражданских, военных, спортивных. Они ничего не сбрасывали, но кружили над нами стаями воронья. Следом нагрянули наши истребители, многих сбили, кто-то успел улизнуть. Мы все высыпали из землянки посмотреть на воздушный бой. И в этот момент в нее угодила снаряд. Все, что у нас было, пропало. Особенно жалко было дневник - я уже третий потерял.

Зееловские высоты взять было не так-то просто. Угол высоты был такой, что танк наверх влезть не мог. Артиллерия тоже помочь не могла. По невидимой цели били только минометы, но они вели неприцельный огонь. А дальше шло ровное плато до самого Берлина. Так что немцы на

этом рубеже буквально вгрызлись в землю. Много раз мы поднимались в атаку, много людей положили. Полки, пополненные молдаванами, не выдержали контратаки немцев, начали отходить. Остались только спецчасти: артиллерийский, противотанковый дивизионы, саперные батальоны и связь. Комдив Глебов на своем наблюдательном пункте где-то в ста метрах позади нас кричал: "Я не уйду, держитесь!". Был очень густой туман, который смешался с дымом. Привезли прожектора, но и они мало помогали: видимость была метров 150-200, не больше. Я помню, как в батальоне, когда уже всех офицеров убило или тяжело ранило, а я потерял голос, вскочил здоровый солдат Чумаченко и с криками "Твою мать!", "За Родину, за Сталина!" поднял оставшихся считанных живых и раненых. И все встали так твердо и побежали. И с флангов полки других дивизий тоже поднялись. По сантиметру продвигались вперед врукопашную, прямо по трупам. Я в тот день весь был забрызган кровью, даже волосы были в крови. Каску я никогда не носил - ее пуля пробивает.

1 мая мы уже вошли в Берлин. Там на улицах были сплошь баррикады, мины. Отовсюду стреляли, бросали гранаты. Я с пяти часов утра ходил с ординарцем Исаевым. Он хорошо говорил по-немецки. Мы проверяли, как идет ликвидация

заграждений. Первое мая - праздник. Только мы сели за накрытый стол, явились Попов с Осканяном. Их с ранениями отправили в госпиталь еще с Зееловских высот, но они сбежали, и прямо в бинтах явились к нам. Буквально плясали от радости. Потом явился Лёгких. Опять мы оказались все вместе.

В Берлине много рек и каналов. Набережные одеты в блестящий камень. До воды не меньше десяти метров. Чтобы сделать для техники съезды, надо было берега разрушать. А разрушить можно только одним путем - взорвать хорошие фугасы. Потом надо подыскать подручные средства для переправы. Стояли мы на одном таком откосе с моим другом Сашей Чернышевым, командиром батальона 64-й бригады, в которой я раньше служил. Он помогал мне толком взрывать набережную с той и с другой стороны. Очистили все, чтобы артиллеристы могли перетащить сюда орудия. Постреливали, но к небольшой стрельбе мы уже привыкли. Стоим, курим. Вдруг Сашка вздохнул и лег - прямо в сердце ему попали. Это невозможно понять, когда убивают самых близких людей. Причем так бессмысленно, накануне Победы. Охватывает чувство беспомощности и одновременно -жуткое желание мстить.

2 мая я с Исаевым чуть свет отправился осматривать улицы, где должны были убрать заграждения. Идем, тихо разговариваем. Никто не стреляет. Вдруг мне в бок что-то ударяет. Взрыв, и я влетаю в окна полуподвала, а за мной летит Исаев и падает на меня сверху. Я так навернулся, что с тех пор копчик болит. Это был последний удар, который я получил на войне. А случилось вот что. Через улицу на балконе Исаев увидел немца с фаустпатроном. Тот целился в нас. Исаев выпустил короткую очередь, и патрон, не долетев до нас, взорвался в воздухе.

Часов в десять утра 2 мая немцы повсюду вывесили белое белье на балконах и в окнах: кальсоны, рубашки, панталоны, у кого что нашлось. Берлин сдавался. Кое-где, правда, еще постреливали, но туда, видимо, еще не дошли приказы. Вот для меня и наступил конец войны. Когда стемнело, начался салют. Стреляли из всех видов оружия - кто что имел. Кто из пистолета, кто из карабина, даже "Катюши" палили. И куда стреляли - непонятно. Во время этих салютов были убитые и раненые от пуль и осколков. Длился салют до рассвета и повторялся до 8 мая каждый вечер, когда темнело. 8 мая был подписан акт о капитуляции, и Жуков приказал прекратить пальбу. Тогда все кончилось, как обрезало. Жители Германии очень добродушно восприняли капитуляцию, особенно женщины. Люди постарше - безразлично. Никаких протестов и бандитских нападений не было. Немцы, они, если приказано, сражаются, а если капитуляция подписана, то в плен сдаются, в партизаны не идут.

Наша полевая кухня и здесь, как в Познани, работала круглые сутки. Кормили оголодавших жителей Берлина. Теперь некоторые авторы заявляют, что ничего подобного не было. Так вот, я должен вам сказать -было.

После 8 мая от нас стали требовать наградные листы. На сколько хватало фантазии, настолько писали. Писали все, кто умел. Я как-то несколько лет назад был в архиве в Подольске. Хотел все-таки выяснить, где же меня в третий раз ранило. Я еще точно не знал тогда. Начальник архива спросил, почему у меня ордена только за 41-й и за 45-й годы. Я ему не стал объяснять, а вам скажу. Я мог бы столько себе навесить, что кителя не хватило бы. Дагаев все время меня уговаривал, чтобы я на себя сам писал наградные листы. Но я никогда ничего подобного не делал. Сам-то Дагаев написать на меня наградной лист поленился. Да и на других не написал. А я на него составил нужные бумаги и подписал у начальника кадров дивизии Толстоле-са. Но в

45-м все же на меня составил реляцию начальник штаба дивизии Фингарет, и я получил еще три ордена.

...В Берлине мы стояли в районе Тиргартен. В створе улицы "17 июня" видны были Бранденбургские ворота. В то время они были сильно разрушены. Особенно досталось квадриге наверху. Мы ходили всей группой к Рейхстагу и с нами - командир дивизии гвардии генерал-майор Виктор Сергеевич Глебов. Все колонны и стены были уже разрисованы. Меня посадили на Леву Самох-валова, и я каким-то острым обрезком от ствола автомата начертал, что мы, бойцы 27 ГВ СД генерала-героя Глебова Виктора Сергеевича. Потом переписал всех, кто был с нами, и себя записал в конце.

Вскоре после этого мы распрощались с Берлином, отправили нас на юг. Шли через Дрезден, Лейпциг, потом в город Далин, оттуда в селение Буха. Там был великолепный дворец, дача Риббентропа. Гитлер подарил ее еще тогда, когда Риббентроп был послом в Великобритании. Прекрасный мраморный дворец, один фасад его выходил на родниковое озеро, а другой - на альпийский луг. С близлежащего холма родниковая вода по керамическому желобу текла в озеро. Вода была чистейшая, изумительная на вкус. Вокруг бродили совсем ручные животные: зайцы, козы, косули.

Людей они не боялись. Один из наших решил подстрелить косулю, но я его вовремя остановил. Жили мы там, как на курорте. Местный староста все старался нам услужить, предлагал прислать нам женщин для уборки дворца и чтобы пищу готовить. Но я категорически от всего отказался.

По решению Ялтинской конференции о создании зон оккупации Тюрингия была в нашей зоне, и нас направили в Эрфурт. Там я был первым начальником гарнизона.